

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья
УДК 141.319.8
doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-10-15

ЦИФРОВОЙ ДВОЙНИК: ВЛИЯНИЕ ОНЛАЙН-ИДЕНТИЧНОСТИ НА САМОВОСПРИЯТИЕ ЛИЧНОСТИ

© *Михаил Валерьевич Латкин*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
latkin@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается феномен цифрового двойника как ключевого элемента современной цифровой культуры. Показана эволюция этого понятия от технического инструмента в промышленности до виртуальной репрезентации личности в медиапространстве. Особое внимание уделяется трем основным аспектам цифрового двойника: техническому, антропоморфному и социально-культурному. Основное внимание исследования направлено на анализ влияния цифрового двойника на самовосприятие и идентичность человека. Представлено, как визуальные платформы и технологии редактирования изображений формируют новые стандарты красоты и нормативности. Исследуется цифровая самопрезентация, при которой пользователи стремятся к идеализированному образу. Поднимаются этические вопросы, связанные с коммерциализацией идентичности и цифровым наследием. Делается вывод, что цифровой двойник перестал быть просто инструментом самовыражения, превратившись в сложный социокультурный феномен, требующий дальнейшего осмысления.

Ключевые слова: цифровой двойник, цифровая идентичность, социальные сети, самопрезентация, визуальная культура, аутентичность, цифровое наследие.

Для цитирования: Латкин М.В. Цифровой двойник: влияние онлайн-идентичности на самовосприятие личности // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 112. № 5. С. 10-15. doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-10-15.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

Digital double: the influence of online identity on personal self-perception

© *Mikhail V. Latkin*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
latkin@sfedu.ru

Abstract. The article explores the phenomenon of the digital double as a key element of contemporary digital culture. It examines the evolution of this concept from a technical tool in industry to a virtual representation of the individual in the media space. Special attention is given to three main aspects of the digital double: technical, anthropomorphic, and socio-cultural. The primary focus of the study is on analyzing the influence of the digital double on self-perception and personal identity. It considers how visual platforms and image editing technologies shape new standards of beauty and normativity. The author investigates digital self-presentation, in which users strive for an idealized image. Ethical issues related to the commercialization of identity and digital legacy are also addressed. In conclusion, it is argued that the digital double has ceased to be merely a tool for self-expression, transforming into a complex socio-cultural phenomenon that requires further reflection.

Key words: digital double, digital identity, social networks, self-presentation, visual culture, authenticity, digital legacy.

For citation: Latkin M.V. Digital double: the influence of online identity on personal self-perception. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 112. No 5. P. 10-16. doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-10-15.

Введение

Актуальность темы цифрового двойника обусловлена тем, что это относительно новое явление даже для цифровой культуры, которая сегодня нас окружает. Мы уже сталкивались с различными феноменами, которые ранее отсутствовали в нашей культуре и возникли благодаря повсеместному распространению цифровых средств связи, коммуникации и новых медиа.

Говоря о цифровом двойнике, прежде всего необходимо пояснить, как понимается этот термин. В настоящее время он может трактоваться в трёх различных аспектах.

Во-первых, технический аспект. Изначально термин «цифровой двойник» применялся для обозначения дублирующих технических процессов и моделей. В изначальном смысле термин применялся в промышленности и инженерии для описания виртуальных моделей оборудования или процессов. Например, компания, производящая турбины для электростанций, создаёт цифровой двойник каждой турбины – точную виртуальную модель, которая полностью повторяет её конструкцию и рабочие процессы. Такой виртуальный «клон» реального оборудования помогает безопасно и эффективно управлять сложными техническими системами.

Во-вторых, цифровой двойник как цифровое изображение, созданное искусственным интеллектом на основе оригинального внешнего вида, голоса и антропометрических параметров своего первоисточника. Он представляет собой виртуальную модель человека, которая отражает его поведение, предпочтения и даже стиль общения. Такие двойники не являются статичными, способны адаптироваться под изменение поведения своего первоисточника и проявлять себя соответственно. Они создаются для выполнения функций виртуального помощника или аватара.

И наконец, цифровой двойник рассматривается как представление личности человека в цифровой среде. Формируется цифровой двойник человека вследствие того, что современная культура в некотором роде вынуждает человека быть активным пользователем цифровых средств коммуникации, в т.ч. социальных сетей, а также других сервисов, которые требуют от него представления своей личности в цифровом формате, репрезентации собственных данных, которые ранее могли становиться открытыми только для того круга общения, с которым человек непосредственно контактировал. Например, активное присутствие в социальных сетях вынуждает человека репрезентовать там собственные фотографии, фотографии близких людей, рассказывать о хобби, увлечениях, времяпрепровождении и прочем, что обычно оставалось неизвестным широкой аудитории. Кроме этого, в социальных сетях человек указывает также и свои данные. Часть этих данных может быть открытой, часть скрытой. К таковым данным относятся, например, город проживания, дата рождения, место работы и т.д.

Вкусовые предпочтения личности можно определить по фильмам, которые он добавляет себе на страницу или делится с другими пользователями, аналогичная ситуация и с музыкальными предпочтениями. Таким образом, информация о человеке, о его личности и её особенностях появляется в открытом доступе, становится доступной и формирует определённое представление о его личности.

На этом, третьем понимании термина «цифровой двойник» мы и сосредоточимся в данной статье, а именно на репрезентации личности человека в цифровой среде. Феномен цифрового двойника, виртуального аватара, который может значительно отличаться от реального Я, стал неотъемлемой частью современной идентичности. Цель статьи – исследовать, как цифровые двойники влияют на самовосприятие, какие механизмы лежат в основе конструирования онлайн-образов и какие последствия это имеет для личности и общества.

Обсуждение

Рассмотрим более детально влияние социальных сетей на формирование и функционирование цифрового двойника личности. Социальные сети сыграли значительную роль в этом процессе, прежде всего благодаря своей визуальной ориентированности. Большинство таких платформ требуют от пользователей представления себя через визуальный контент, который отображает человека в его телесности.

Однако данная визуальная специфика налагает определённые ограничения на проявления естественного многообразия человеческой внешности и ее особенностей. В результате возникают специфические феномены и концепты, такие как «инстаграммное лицо» (Instagram – запрещённая в России социальная сеть, принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией) или «атлетическое тело» (в коннотации визуальных

маркеров социальной сети, а не как общепринятое определение), обладающие ярко выраженными характеристиками. Достижение соответствия этим идеализированным образам зачастую становится вполне реалистичной целью. Для значительной части аудитории социальных сетей, как потребителей, так и создателей контента, данные концепты приобретают статус желательных и нормативных. Это оказывает существенное влияние на поведение личности, формируя её ежедневные выборы, приоритеты и ценностные ориентиры на протяжении длительного временного периода, а порой и всей жизни.

Таким образом возникает феномен хронического социального сравнения. Безусловно, сравнение себя с другими играет важную роль в поддержании продуктивной жизнедеятельности. Однако в цифровой среде это сравнение происходит не с реальными людьми, а с их отредактированными образами – продуктами тщательного отбора и специальной обработки, которые лишь отдалённо отражают действительность.

В результате формируется некий порочный круг. Транслируемые образы, выступающие источником вдохновения для широкой аудитории, стимулируют создание аналогичных образов и цифровых двойников, которые, в свою очередь, воспроизводят и усиливают эти же идеализированные стандарты. Популярность таких искусственных образов значительно снижает возможность выхода из замкнутого круга стремления им соответствовать.

Современные технологии визуальной коррекции внешности на изображении, начиная от мгновенных фильтров в приложениях, например, Snapchat, и заканчивая профессиональными фоторедакторами, такими как Photoshop, в корне изменили практики самопрезентации. Изначально они создавались как развлекательные инструменты, но постепенно превратились в механизм постоянной коррекции внешности. Сегодня даже базовые приложения предлагают широкий спектр преобразований – от незначительного выравнивания тона кожи до радикального изменения черт лица, например, эффект омоложения или старения, а также корректировки пропорций тела.

Таким образом, то что десять лет назад считалось профессиональной ретушью, сегодня стало повседневной практикой миллионов пользователей. Особенно примечателен феномен так называемых «бесшовных фильтров», которые сохраняют видимость естественности, но при этом изменяют черты лица. Это порождает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, общество провозглашает важность аутентичности, с другой – незаметно принимает новые цифровые стандарты совершенства как норму.

Психологические и культурные последствия этой практики оказываются глубже, чем предполагалось изначально. Формируется ситуация, когда отфильтрованное изображение постепенно замещает в сознании пользователя его реальный облик. Этот когнитивный диссонанс особенно ярко проявляется в среде молодого поколения, выросшего в эпоху расцвета визуальных социальных сетей. Для них цифровая версия себя зачастую становится психологически более «реальной», чем биологическое тело.

Возникает новый вид социального напряжения, связанный с так называемой, цифровой честностью. С одной стороны, существует неявное давление соответствовать платформенным стандартам красоты посредством использования фильтров и цифровой обработки изображений. С другой – чрезмерно отредактированные фотографии подвергаются критике и обвинениям в «фальши». Существование двух этих разнонаправленных векторов отражает глубокий конфликт современной цифровой эпохи – противоречие между стремлением к идеализированному образу и потребностью в искреннем, аутентичном самовыражении.

Данная трансформация визуальной культуры требует переосмысления традиционных представлений о телесности. Если в доцифровую эпоху тело воспринималось как фиксированная данность, с которой можно было взаимодействовать лишь посредством физических изменений (спорт, косметика, пластическая хирургия), то в цифровую эпоху возникает феномен «текучей» или флюидной телесности. Это новая форма самопрезентации, в которой тело способно мгновенно трансформироваться в зависимости от контекста цифрового пространства. З. Бауман в своей работе «Текущая современность», говоря о

терминах «здоровье» и «физическая подготовленность», отмечает: «рассматривать эти два термина как синонимы было бы ошибкой – и не просто из-за хорошо известного факта, что не все режимы поддержания физической формы «хороши для здоровья» и то, что помогает оставаться здоровым, обязательно сделает человека физически подготовленным» [1, с. 85].

С антропологической точки зрения такая «текучесть» тела отражает более широкие процессы, существующие в сознании современного человека, связанные с существованием и осознанием себя как множества идентичностей. Цифровая среда дает возможность конструировать множественные «я», что одновременно расширяет свободу самовыражения, но при этом и увеличивает внутреннее напряжение, связанное с необходимостью постоянного управления собственным образом. В результате формируется парадоксальная ситуация, в которой цифровой двойник становится одновременно инструментом самореализации и источником социальной тревоги.

Как пишет И. Гофман: «Человек как продукт биосоциальной эволюции – это организм, обретший личность, то есть способный воспринимать и сознавать самого себя, способный регулировать свое поведение, изменяя его установки в процессе внутреннего диалога, саморефлексии. Человек как личность приобретает способность интериоризировать социальное действие, иными словами, превращать образцы реакций «других» на ту или иную ситуацию в собственные внутренние мотивы к действию» [3, с. 10]. Феномен цифрового двойника – это не просто продукт технической возможности его создания, но качественно новый этап в эволюции человеческой идентичности. В отличие от традиционных социальных масок, описанных И. Гофманом, цифровые репрезентации обладают уникальным свойством – они существуют в постоянном режиме, независимо от физического присутствия своего создателя, и подчиняются иным законам бытия в цифровом пространстве.

Интересен парадокс цифровой саморепрезентации: пользователи стремятся к самовозвышению, искусственно усиливая социально желательные качества, но при этом мотивы к самоулучшению они получают не изнутри себя, а извне. При более внимательном анализе оказывается, что эти улучшенные версии себя зачастую формируются не столько на основе личных стремлений, сколько в соответствии с шаблонами успешности, навязанными конкретными платформами. Таким образом, цифровой двойник становится результатом компромисса между индивидуальными амбициями и требованиями цифровой среды, а не сознательным актом самоконструирования.

Данная ситуация порождает кризис аутентичности личности, активно вовлеченной в цифровую самопрезентацию. Если в доцифровую эпоху проблема самоидентификации сводилась к поиску баланса между внутренним «Я» и социальными ожиданиями (как писал Э. Эриксон: «идентичность человека или группы может быть соотнесена с идентичностью другого или других и что гордость за сильную идентичность может свидетельствовать о внутренней свободе от более влиятельной групповой идентичности, например идентичности «сплоченного большинства» [5, с. 31]), то сегодня к этому добавляется третий фактор – необходимость координации между реальностью и цифровым двойником. Пользователи всё чаще испытывают сложности с пониманием, что в их образе действительно настоящее, а что ведёт к фрагментации и дезориентации в ощущении собственной идентичности.

Тревогу вызывает так же и проблема цифрового наследия. У человека возникает экзистенциальное беспокойство по поводу посмертного существования его онлайн-профиля и страниц его родственников и близких людей. «Психические, физические и эмоциональные состояния человека тесно связаны с осознанием своей смертности. Цифровое бессмертие, предлагая возможность существовать «вечно» в цифровой форме, может нанести ущерб психике, так как оно противоречит пониманию конечности человеческой природы», – пишет И.Н. Казарина [4, с. 76].

В тех случаях, когда профиль в социальных сетях продолжает функционировать после физической смерти пользователя – будь то через автоматизированные публикации или деятельность специально нанятых администраторов – возникает сложный вопрос: кому принадлежит это цифровое «Я»? Наследникам, технологическим корпорациям или самому умершему, чьи персональные данные стали основой для этого постгуманистического феномена? Судебные прецеденты последних лет демонстрируют неготовность современных правовых систем к разрешению подобных вопросов.

Не менее значимой является проблема психологического воздействия коммерциализированных цифровых образов. Индустрия сознательно формирует недостижимые стандарты самопрезентации, превращая процесс конструирования идентичности в постоянный труд по самоулучшению. Особенно уязвимой в этом контексте оказывается подростковая аудитория, которая оказывается в положении хронического несоответствия между своим реальным «Я» и коммерчески востребованным цифровым образом. Молодые люди начинают воспринимать собственное тело как «сырье» для цифровой обработки и модификации. Тут уместно вспомнить замечание Ж. Бодрийяра, написанное им до наступления цифровой культуры, о том, что «тело мыслится как некий месседж, как носитель информации и сообщений, как информационная субстанция» [2, с. 138].

Все эти примеры лишь поверхностно обозначают масштаб и глубину этических проблем, связанных с феноменом цифровых двойников. В сущности, современное общество сталкивается с принципиально новым вызовом для гуманитарной мысли. Каким образом сохранить человеческое достоинство и автономию личности в условиях, когда технологические платформы приобретают неограниченные возможности для манипуляции? На данный момент гуманитарные науки ограничиваются констатацией этих противоречий, не предлагая окончательных ответов, что подчёркивает необходимость дальнейших междисциплинарных исследований в этой области.

Выводы

Рассмотренный в статье цифровой двойник представляет собой сложный продукт наших дней, оказывающий значительное влияние на формирование современной идентичности. Зародившись как технический инструмент, данное понятие трансформировалось в виртуальную проекцию личности, существующую параллельно с реальным «Я».

В ходе анализа были выявлены ключевые аспекты воздействия этого феномена на самовосприятие и социальные взаимодействия:

Во-первых, социальные сети и визуально ориентированные платформы формируют новые стандарты красоты и нормативности, зачастую недостижимые в реальности. Это приводит к хроническому социальному сравнению, в котором пользователи сопоставляют себя не с живыми людьми, а с искусственно созданными и отредактированными образами.

Во-вторых, технологии цифровой обработки изображений трансформируют представления о телесности, создавая феномен «текучей идентичности», где тело и образ больше не являются статичными, а поддаются бесконечной модификации.

В-третьих, конфликт между реальным и виртуальным «Я» порождает кризис аутентичности, усложняя процессы самоидентификации и усиливая социальную тревожность. Особую остроту приобретают этические и экзистенциальные вопросы, связанные с цифровым двойником: проблема посмертного существования онлайн-профилей и коммерциализация идентичности.

Таким образом, цифровой двойник перестаёт быть просто инструментом самопрезентации – он становится частью человеческой идентичности. Он формирует новые культурные нормы, социальные практики и даже экзистенциальные дилеммы. Будущие исследования в этой области должны учитывать как технологические аспекты развития виртуальных репрезентаций, так и их глубокое влияние на психологию, социум и философию современного человека.

Список источников

1. Бауман З. *Текущая современность* / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции* / Пер. с франц. А. Качалова. М.: Издательский дом «Постум», 2015. 240 с.
3. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни* / Пер. с англ., вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
4. Казарина И.Н. Обязательство не удалять: к вопросу о правах цифровой личности после смерти // ОНВ. ОИС. 2025. № 1. С. 74–79.
5. Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис* / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд. М.: Прогресс, 2006. 352 с.

References

1. Bauman Z. *Liquid Modernity* / Translated from English, edited by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 p.
2. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation* / Translated from French by A. Kachalov. M.: Postum Publishing House, 2015. 240 p.
3. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life* / Translated from English, introductory article by A.D. Kovalev. M.: CANON Press-C, Kuchkovo Pole, 2000. 304 p.
4. Kazarina I.N. *Obligation Not to Delete: On the Rights of Digital Personality after Death* // ONV. OIS. 2025. No. 1. P. 74–79.
5. Erikson E. *Identity: Youth and Crisis* / Translated from English; general editor and foreword A.V. Tolstykh. 2nd ed. M.: Progress, 2006. 352 p.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 01.07.2025.

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 01.07.2025.